

Оригинальная статья / Original article

Этнофутуризм и традиционные представления удмуртов о будущем

Б. В. Анфиногенов*Научно-исследовательский институт национального образования,**г. Ижевск, Российская Федерация*✉ bogdananf@mail.ru

Аннотация

Введение. Проблема традиционных представлений удмуртского народа о времени, пространстве и отношении к будущему является значимой для современной науки. Несмотря на многочисленность публикаций по данной проблематике, практически отсутствуют исследования, рассматривающие преломление традиционных представлений удмуртов о будущем в движении удмуртских этнофутуристов, их видение в этом контексте будущего этнической культуры. Цель исследования – попытаться восполнить данный пробел, рассмотрев и проанализировав, какие именно традиционные представления существуют в удмуртской культуре и каким образом их используют в своем творчестве этнофутуристы.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили работы, посвященные теме будущего в традиционной удмуртской культуре, а также источники (статьи в периодических изданиях, сборники, каталоги), в которых представлено видение будущего этнофутуристами. Исследование проводилось на основе сравнительно-сопоставительного анализа источников и описанных в них явлений. В ходе полевых исследований применялся метод интервью.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование доказывает, что некоторые современные проявления и формы движения этнофутуристов связаны с образом будущего в традиционной культуре. Традиционная удмуртская модель светлого и идеального будущего представлена в концепциях этнофутуристических фестивалей и манифесте этнофутуристов. В традиционной культуре встречаются и примеры негативного (эсхатологического) сценария будущего, зафиксированного, например, в концовке удмуртского эпоса и некоторых преданиях. Близкая к ним рефлексия о будущем своего народа имеется в трудах поэтов и писателей, близких к движению этнофутуристов.

Заключение. Сделанные автором выводы вносят вклад в развитие современной этнологической науки в контексте изучения взаимосвязи новых культурных явлений в жизни удмуртского народа и его традиционной культуры и мировоззрения. Материалы статьи могут быть полезны этнологам, культурологам, искусствоведам, фольклористам, работникам социокультурной сферы, а также всем, кто интересуется современной удмуртской культурой.

Ключевые слова: этнофутуризм, Удмуртия, удмурты, этническая культура, образ будущего, удмуртский фольклор, народная протгностика, современная этническая культура

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Анфиногенов Б. В. Этнофутуризм и традиционные представления удмуртов о будущем // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 484–496. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.484-496>

© Анфиногенов Б. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ethnofuturism and Traditional Udmurt Ideas about the Future

B. V. Anfinogenov

*Research Institute of National Education,
Izhevsk, Russian Federation*

✉ bogdananf@mail.ru

Abstract

Introduction. The problem of the traditional ideas of the Udmurt people about time and space, including their attitude to the future, is significant for modern science. Despite the numerous publications on this issue, there is practically no research on the refraction of traditional Udmurt ideas about the future in the Udmurt ethnofuturist movement, and their vision of the future of ethnic culture in this context. The purpose of the study is to try to fill this gap by examining and analyzing exactly what traditional ideas exist in Udmurt culture and how ethnofuturists use them in their work.

Materials and Methods. The research material was the works devoted to the topic of the future in the traditional Udmurt culture, as well as sources (articles in periodicals, collections, catalogs), where the vision of the future by ethnofuturists is presented. The study was conducted based on a comparative analysis of the sources and the phenomena described in them. During field research, the interview method was used.

Results and Discussion. The study proves that some modern manifestations and forms of the ethnofuturist movement are associated with the image of the future in traditional culture. The traditional Udmurt model of a bright and ideal future is presented in the concepts of ethnofuturist festivals and the manifesto of ethnofuturists. In traditional culture, there are also examples of a negative (eschatological) scenario of the future, recorded, for example, in the ending of the Udmurt epic and some legends. A reflection on the future of their people close to them is found in the works of poets and writers close to the ethnofuturist movement.

Conclusion. The author's conclusions contribute to the development of modern ethnological science in the context of studying the relationship of new cultural phenomena in the life of the Udmurt people and their traditional culture and worldview. The materials of the article can be useful to ethnologists, cultural scientists, art historians, folklorists, socio-cultural workers, and anyone interested in modern Udmurt ethnic culture.

Keywords: ethno-futurism, Udmurtia, Udmurts, ethnic culture, image of the future, Udmurt folklore, folk prognostication, modern ethnic culture

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Anfinogenov B.V. Ethnofuturism and Traditional Udmurt Ideas about the Future. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):484–496. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.484-496>

Введение

Этнофутуризм, одно из направлений современного искусства и общественного движения, уже в своем названии включает информацию о будущем народа («этнос» – народ, «футурум» – будущее). В первом этнофутуристическом манифесте (1994 г.) основатели движения говорили о нем как об «альтернативе на будущее» для малочисленных народов, не имеющих своей городской культуры¹. Развиваясь преимущественно среди финно-угорских народов России, термин обретал разные формулировки, но неизменно авторы новых определений обращали внимание на его направленность в будущее: этнофутуризм должен был, по их мнению, обеспечить будущее этносу в условиях угроз глобализации. Исследователи отмечают, что при этом термин сознательно не связывался с другим похожим направлением модернистской культуры – футуризмом (и его течениями: кубофутуризмом, эгофутуризмом, итальянским футуризмом и др.) [1]. Однако параллели между ними все же можно найти. Так, русские футуристы, художники и писатели, и прежде часто обращались к народной культуре и фольклору [2], а представители модернизма начала XX в. среди новой интеллигенции удмуртов и других финно-угорских народов считались этнофутуристами своего времени, как, например, Кузедан Герд и Элиас

¹ Пярл-Лыхмус Маарья, Каукси Юлле, Хейнапуу Андрес, Кивисильдник Свен. Этнофутуризм: образ мышления и альтернатива на будущее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.suri.ee/etnofutu/texts/obraz.html> (дата обращения: 20.05.2024).

Леннрот². Мы можем наблюдать нацеленность на будущее, работу с образом будущего в проектах и размышлениях о нем в среде этнофутуристов. Важно выявить, как и через какие творческие приемы воплощают образ будущего «футурум» именно представители данного направления.

В статье рассматривается видение будущего этнофутуристами в сравнении с его образом в традиционной культуре на основе данных истории, этнографии и фольклора. В традиционной культуре имелись свои представления о будущем, собственные попытки его предсказать, повлиять на ход событий с помощью определенных действий и практик (обрядов, молений, предписаний, запретов, приношений и др.). Традиционные образы будущего активно используются в творчестве этнофутуристов одновременно с образом будущего этноса или этнической культуры, которые они сами создают и прогнозируют. Исследователи отмечают, что «представления о будущем народа содержатся, прежде всего, в таких фольклорных жанрах, как народные утопические (социально-утопические) легенды, паремии, гадания и прогностические практики, волшебные сказки, исторические песни» [3, с. 243].

Цель исследования – рассмотреть образ будущего в работах этнофутуристов, определить роль и отражение в них видения будущего, в том числе нашедшего воплощение в традиционной картине мира удмуртов.

Обзор литературы

Образ будущего в культуре разных народов привлекает внимание этнографов. Например, в сборнике «Аспекты будущего (по этнографическим и фольклорным материалам)» рассматриваются общие теоретические вопросы и конкретные явления и практики разных народов, связанные с пониманием и видением будущего³. Будущее становилось темой исследования в антропологии [4], изучении народной футурологии [3]. Важной для данного исследования является работа, в которой раскрывается осознание времени в традиционной удмуртской культуре [5]. Для более полного и ясного понимания особенностей восприятия удмуртами пространства и времени были важны работы этнографов и фольклористов. Фундаментальный труд В. Е. Владыкина, посвященный религиозно-мифологической картине мира удмуртов⁴, дает ценные сведения о мировоззрении людей в традиционном удмуртском обществе, в том числе и представлениях о будущем. Этнокультурному контексту представлений удмуртов о времени [6], феномену народного календаря в удмуртском социуме [7], удмуртскому фольклорному миротексту⁵ посвящены работы Т. Г. Владыкиной, Г. А. Глухой, Т. И. Паниной. На основе обширных фольклорных материалов они приходят к важным выводам о наличии общей системы знаний о пространстве и времени у удмуртов, ее эволюции по мере взаимодействия с другими культурами, специфике годового обрядового календаря, обыденном и сакральном времени, природных циклах. Т. Г. Миннихметова выявляет особенности ориентации во времени и пространстве на основе данных о языке и ритуальных практиках [8], отмечая важность определения границ в традиционной системе мира, нарушение которых может менять качества человека и пространства. И. М. Вельм рассматривает своеобразие мифологического мышления с точки зрения психологии и ментальности удмуртов, анализируя образы и архетипы [9]. Образ будущего в современной удмуртской литературе затрагивался в работах литературоведов. Например, А. А. Арзамазов анализирует художественные контексты будущего времени в стихотворениях одного из известных поэтов-этнофутуристов П. М. Захарова, рассматривая формы выражения

² Карпов С. О. Этнофутуризм до этнофутуризма // Современная культура и проблемы образования. Культурологические дебюты: сб. науч. ст. студентов / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. СПб.: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2019. С. 21–31. EDN: **TMXPMS**

³ Аспекты будущего (по этнографическим и фольклорным материалам): сб. науч. ст. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2012. 356 с. EDN: **QBJVD**

⁴ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.

⁵ Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск: Монпоражён, 2018. 298 с. EDN: **VYGGCY**

темпоральности будущего [10]. Выявлению специфики трансформации архаического мифологического мышления в условиях постмодернизма в литературе этнофутуристов посвящены работы В. Л. Шибанова [11]. Движение удмуртских этнофутуристов изучалось искусствоведами, культурологами и литературоведами, но образ будущего в их произведениях не был предметом специального анализа.

Материалы и методы

В работе сравниваются данные об образе будущего в традиционной культуре удмуртов: молитвах-куриськон, предсказаниях, текстах о жрецах и предсказателях *туно*, которые исследовались этнографами, музыковедами, фольклористами. Воплощение традиционного представления о будущем в работах этнофутуристов рассматривалось на основе деятельности представителей движения, их статей в периодических изданиях, сборниках и каталогах, в полевых материалах автора в виде личных интервью с художниками, которые уточняют их собственные представления об идеальном будущем. О роли *туно* (ворожец, предсказатель) как «удмуртского шамана» писал представитель этнофутуристов, художник Юрий Лобанов. В перформансах художника встречается использование атрибутов жреца *туно*. Концепция создания и поиска идеального будущего этноса и мироустройства через обращение к удмуртской мифологии представлена в работах и текстах этнофутуристов, обзоре этнофутуристических фестивалей, специальных выпусках журнала «Инвожо» – все они использованы для анализа видения будущего и этнического будущего в картине мира этнофутуристов. Основными методами исследования являются сравнительно-сопоставительный анализ источников, метод беседы и интервью в полевых исследованиях, которые помогли получить новую ценную информацию по проблеме, расширить имеющиеся знания, обосновать предположения и гипотезы автора, провести анализ и определить взаимосвязь между представлениями о будущем удмуртов и современных удмуртских этнофутуристов.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследователи отмечают, что «создаваемые образы будущего и конструируемые на их основании инновационные духовные и материальные формы в каждую конкретную историческую эпоху в значительной степени зиждутся на мировоззренческих основаниях соответствующих культур, а также на коллективном историческом опыте, протяженном и пережитом в социальном времени и пространстве» [4, с. 27]. У удмуртов образ будущего – неотъемлемая часть традиционной и современной культуры. Безусловно, в разное время восприятие устройства мира, времени и пространства было иным: в традиционном обществе оно основано на мифологическом мышлении, объяснении с его помощью различных явлений, действий сверхъестественных сил и божеств; на понимании создания мира, его образа, устройства и миропорядка. Однако эта обширная тема уже активно рассматривалась исследователями, а в центре внимания данной статьи – образ будущего в работах этнофутуристов и отражение в нем традиционных представлений удмуртов о будущем.

Образ будущего тесно связан с пониманием времени в традиционной картине мира. Обратимся к тому, как понималось время в народной культуре. М. М. Бахтин, характеризуя фольклорный хронотоп, пришел к выводу, что «время это сплошь едино» и ему также свойственны коллективность, привязанность к явлениям природы, устремленность в будущее⁶. Бахтин утверждал: «Печать цикличности и, следовательно, цикличной повторимости лежит на всех событиях этого времени. Его направленность вперед ограничена циклом»⁷. Мифологическое мировоззрение и восприятие времени сохраняется и в обрядах народной религии удмуртов, несмотря на влияние православных традиций.

⁶ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. С. 242.

⁷ Там же . С. 243.

На понимание пространства и времени повлияли и земледельческий уклад жизни, определивший народный календарь и обряды годового цикла. Время воспринималось как цикличное: смена одних и тех же этапов, периодов и сезонов. В некоторой мере это восприятие времени сохраняется в современных народных праздниках, отчасти совпадающих с православным календарем. Как пишет В. Е. Владыкин, для удмуртов «будущее (лыктйсь аръёс, вуоно аръёс) мыслилось чем-то общим, нерасчлененным, чередой приходящих, грядущих лет»⁸.

Рассмотрим, каким представлялось будущее в традиционной картине мира удмуртов. А. А. Арзамазов писал: «удмуртский образ мира можно рассмотреть как некую систему, где временной аспект имеет созидательную функцию: прошлое определяет будущее, настоящее утрачивается в терпеливом ожидании. Реальность – действительное ощущение одного мгновения. По сути своей уподобляется или прошлому, или будущему»⁹. Литературовед отмечает, что есть особенности выражения будущего, которые прослеживаются в финно-угорских и тюркских языках: «В агглютинативных финно-угорских и тюркских языках значение будущего времени зачастую передается посредством настоящего, т. е. построение “идеального будущего” с языковой точки зрения отсутствует»¹⁰. Однако это суждение не находит доказательств в этнографических материалах, где, наоборот, изобилуют примеры об «идеальном мире».

Образ идеального будущего прежде всего представлен в удмуртских молитвах-*куриськон*, где наряду с благодарениями божествам высказывались просьбы на будущее (урожай, семейное и хозяйственное благополучие). Эти тексты подробно рассматривал В. Е. Владыкин, отмечая, что «...можно попытаться представить в какой-то мере историческую динамику взглядов удмуртов на то, что, по их понятиям, составляло идеальное устройство общества и его желаемое будущее»¹¹. Не случайно одну из своих статей об этих молитвах В. Е. Владыкин поэтично называет «Удмуртское воспоминание о счастливом будущем»¹². Тексты молитв дошли до нас в разных источниках, но все имеют выдержанную каноническую схему, состоят из обязательных частей, начинаются и завершаются уважительным обращением к главным удмуртским богам, чаще всего это Инмар, Кылдысин и Куазь. Центральная часть текстов содержит подробное перечисление просьб *куриськонов* (удм. *курисько* – «прошу») о благополучии в различных сферах крестьянской жизни и сельского сообщества. Например, указывается, какими по размеру должны вырасти злаки и колосья, насколько преумножится скот в предстоящем году, просят много рыбы в реках и пчел на пасеке, а средств столько, чтобы их хватило на уплату налога властям и т. д. Будущее описывается в таких текстах через определенные образы, цифры, размеры, имеющие также продуцирующую функцию. В. Е. Владыкин пишет: «Жрец-куриськись, произносящий заклинание, хотя и следовал освященному веками канону, но в то же время широко использовал свои импровизационные способности, что, несомненно, еще более усиливало восприятие заклинания, поскольку все происходящее воспринималось как непосредственное творчество и сам заклинатель осознавал себя творцом, созидателем идеального будущего людей, от имени которых он обращался к богам»¹³. Также он приходит к выводу, что ничего сверхъестественного или фантастического в этих прошениях к богам нет, все довольно скромно и реалистично¹⁴. Эти традиционные тексты с образом будущего также использовались в работах этнофутуристов. Как отмечал в интервью Ю. Н. Лобанов: «Удмуртский куриськон, переведенный по моей просьбе Очей Арзами (Алексей Арзамазов)

⁸ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 222.

⁹ Арзамазов А. А. Эскизы. Ижевск : Инвожо, 2005. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 293.

¹² Владыкин В. Е. Удмуртские воспоминания о счастливом будущем // Удмурт оскон: вашкала куриськонъёс, вӧсьясконъёс, статьяос = Удмуртская вера: древние молитвы-заклинания, статьи. Ижевск : Удмуртия, 2010. С. 110–134.

¹³ Владыкин В. Е. Удмуртские воспоминания о счастливом будущем. С. 115.

¹⁴ Там же. С. 131.

на финно-угорский эсперанто, я лично использовал несколько раз в своих аутентичных перформансах» [ПМА¹⁵, 2024].

Этнофутуристы часто используют в творческих акциях традиционные формы и приемы прогнозирования будущего, которые практиковались предсказателями *туно*. У удмуртов способностью предопределять будущее наделяли некоторых людей и мифологических персонажей, предугадывали будущее и с помощью гаданий в определенные календарные периоды. Например, «звуки, услышанные на перекрестке дорог в полночь, предвещали будущее: если слышны звуки молотбы – к урожаю, богатству...»¹⁶. Божество плодородия *Кылдысин* как представитель традиционного пантеона «предсказывал будущее и ведал судьбой каждого человека»¹⁷. Способностью предвидеть будущее наделяли и удмуртских богатырей *батыр*: «Богатыри – не только сильные физически люди, они обладают магическими способностями. Хозяева древнеудмуртских городищ Узякар и Иднакар имели дар пророчества: незадолго до своей гибели они предвещают приход на их земли другого народа и порабощение удмуртов»¹⁸. Однако самыми главными предсказателями будущего считались гадатели, ворожцы *туно* (удм. *тунаны* – «гадать, ворожить»). Фольклорист Т. Г. Владыкина пишет: «*Туно* – люди, наделенные сверхъестественными способностями. Жрецы, ворожей/ворожцы, знатоки, знахари, колдуны... Разноречивые по смыслу термины, используемые в качестве синонимов в контексте института шаманства, самым ярким элементом которого в удмуртской традиционной культуре был феномен *туно*, по сути указывают не только и не столько на многообразие функций, сколько на его возможности и способы взаимодействия с иными мирами, а также на представления о нем окружающих»¹⁹. Н. И. Шутова отмечала: «Исследователи конца XIX – начала XX в. называли *туно* шаманом, ибо наиболее искусные из них входили в состояние измененного сознания с помощью молитв, особых слов, магических заклинаний, музыкального сопровождения, плясок и ритуальных действий по кругу, перетягивания в пояс полотном или кушаком, возможно, употребления галлюциногенных средств растительного происхождения. Пляска *туно* близка к шаманскому камланию, во время которого шаман впадал в экстаз, общался с духами-помощниками и совершал символические путешествия по “иным” мирам» [12, с. 74].

Именно образ *туно* выбрал в своем творчестве один из ярких представителей и лидеров этнофутуристического движения – удмуртский художник Ю. Н. Лобанов (псевдоним – Кучыран Юри). Он подробно изучил феномен *туно* и, выбрав этот образ, полагал, что удмуртами прежде мог практиковаться шаманизм, на что указывает роль предсказателя. Н. И. Шутова, например, отмечает, что у *туно* было много функций, в том числе предсказание будущего: «В конце XVIII – начале XX в. знающие *туно*/абызась имели высокий социальный статус в глазах сельского сообщества как носители сакрального знания, обладатели сверхъестественных способностей и дара пророчества. Их общественная значимость во многом определялась тем, что он решал вопросы, связанные с функционированием традиционных святилищ. К ним обращались за помощью в экстраординарных и окказиональных ситуациях. В процессе проведенных ритуалов гадатели, знающие получали нужную информацию, предсказывали, гадали, исцеляли, врачевали» [12, с. 74].

¹⁵ ПМА – полевые материалы автора.

¹⁶ Нуриева И. М. Музыкальный язык удмуртского ритуала: Время. Пространство. Ижевск : Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 2018. С. 32. EDN: **UJQIZE**

¹⁷ Шутова Н. И. Женское божество плодородия в духовной жизни финно-угров Приуралья // Об этнической психологии удмуртов. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. С. 31. EDN: **VJOVYP**

¹⁸ Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. С. 101. EDN: **VYGGCY**

¹⁹ Владыкина Т. Г. Знающий (*туно*) в удмуртской традиционной культуре // Удмуртская мифология. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. С. 97. EDN: **SJNMSJ**

В статье «Удмуртский шаманизм: моя архаика и моя современность» Ю. Н. Лобанов описывает истоки и причины своего обращения к данному образу. В детстве на деревенских праздниках ему встречались люди, которые вели себя отлично от обычных участников, исполняли «странные» танцы: «Те деревенские праздники я воспринимаю сейчас как грандиозные перформансы, как действие для подражания... Будучи свидетелем тех ритуальных таинств – через театрализованные представления – я впитал живительные соки национального самосознания. Перформансы, которые я создаю, помогают мне полнее осознать себя в этом стремительно меняющемся мире»²⁰. Используя в творчестве особую форму современного искусства, художник сознательно выбрал образ *туно* как ролевую модель своего творчества, с помощью которой можно гармонично наполнить перформанс этническим содержанием, передать и воссоздать сакральные смыслы ритуальных действий шамана в настоящее время, опираясь на взаимосвязь образа и роли предсказателя *туно* с народными представлениями.

Использование темы снов как творческой акции мы находим в серии перформансов Ю. Н. Лобанова под названием «Сны Кучырана», которые он проводил с 2005 по 2009 г. Среди его работ выделим диптих «Откровения туно» (2007 г.), где художник расписывает холст геометрическими фигурами с использованием ярко-оранжевого цвета. Художник так объясняет работу: «Широкие, но короткие мужские свитки-чушконы с деревянными реечками-креплениями, с шелковыми нитками для подвешивания в выставочном пространстве.

Эти психоделические работы выполнялись в состоянии транса. Я точно уже не могу все вспомнить. Помню, что там откровения новых путей и перекрестков Судьбы. И еще удмуртские знаки-тамга-пусы – своеобразные древние праформы языка. Эти свитки прикреплены к деревянным реечкам. И я, весь в оранжевом одеянии, выполняю танец-кружение с этими свитками, указываю ими дорогу, возношу до Небес, защищаю, предупреждаю, лелею. И все это – изображая в воздухе-пространстве тайные свои знаки этими свитками.

Вращение имеет вселенское значение – это способ передачи духовного Божьего дара людям. Это одна из древнейших форм медитации. Уже само кружение, а также вихрение огня, воды, воздуха выводит в параллельный мир. Вращаясь вокруг сердца, он охватывает все человечество, все живое с привязанностью и любовью. Это вращение человеческих душ вокруг Бога. Вращение стимулирует активность вихрей (чакр). Вселенская волна вращающихся вихрей, через которые входит ее энергия, оживляющая наше тело и душу. Энергия земли собирается в вихри, и там накапливается «особая энергия».

Имеет большое значение цвет. Желто-оранжевый с вкраплениями светло-голубого. Это соответствующая чакра (чакара, ѓакара), которая волнует художника-шамана» [ПМА 2024].

Художник при создании своих перформансов подробно изучает ранние этнографические источники, а затем, создавая свою собственную художественную систему, как бы заново с помощью фантазии и творчества воссоздает образ *туно*, придумывая и разрабатывая его костюм, атрибуты, выбирая пространство для перформансов-ритуалов, особые речитативы и песни.

В статье «Удмуртский шаманизм: моя архаика и моя современность» Ю. Н. Лобанов пишет о взаимосвязи образа *туно* и будущего, его способности перемещаться во времени: «Я считаю, его образ волновал, волнует и будет волновать не только творческих, но и простых людей. Своей таинственностью, мистицизмом, устремленностью в будущее, умением преодолевать временные рамки мироздания»²¹.

²⁰ Лобанов Ю. Н. Удмуртский шаманизм: моя архаика и моя современность / Егит гондыр веме. Одо-маа. Эрумаа. Калмез. Мушому. Тангыра. Идна. Ижевск, 2002. С. 108.

²¹ Лобанов Ю. Н. Удмуртский шаманизм: моя архаика и моя современность. С. 110.

В творчестве художника помимо предсказателя будущего встречается еще и образ верховного бога *Кылдысина*, который также обладал способностью предопределять будущее. Эти народные представления о нем и его образ описаны в работе Лобанова «Превращения Кылдысина» (2008 г.) и в совместной выставке с художником Александром Пушиным (Жон-Жон Сандыр) «Ньыльдон кык» («Сорок два») (2022 г.). Концепция выставки построена на поиске утопического «Золотого века» божества *Кылдысина*, представленного в мифологических текстах, когда время было целостным, единым. Авторы выставки писали в официальном ее анонсе, что художники, «обращаясь к мифу-утопии о “Золотом веке” Кылдысина, воспевают гармоничное время, в котором было полное единение человека и природы, рассказывают о трехчастной картине мира удмуртов, при этом ратуя о возвращении к целостности мироздания»²². Название выставки «Ньыльдон кык» символично и выбрано художниками исходя из предания удмуртов о том, как они стали грешить, в результате чего утратили свой «Золотой век», их покинул бог *Кылдысин*. В ответ на попытку вернуть его Кылдысин сказал, что его тело обезображено и раздроблено на 42 части. Как символ этой раздробленности на выставке было представлено 42 арт-объекта, объединенных одним материалом – березой, которая в народных верованиях и мифологии считается деревом этого божества. На открытии выставки Александр Пушин сказал: «Мы решили отправиться в трансперсональное путешествие, чтобы найти все 42 части. Мы их сжигаем и делаем из них яйцо, оно у нас хранится в воршудном коробе» [ПМА, 2022]. Данная выставка – яркий пример воплощения концепции будущего в видении и стремлении удмуртских этнофутуристов, заключающемся в возвращении «золотого века» древних удмуртов, воссоздании равновесия и цельности мироздания.

Тенденция к воссозданию утраченного идеального времени как традиционной удмуртской утопии прослеживается уже в первых этнофутуристических фестивалях, проводимых с 1998 г. в Удмуртии. Это подчеркивает и название первой обзорной статьи Т. Г. Миннихметовой «Представляя образ идеального Будущего» об этих фестивалях, где отмечается, что «каждый фестиваль должен был быть посвящен определенной теме и отражать традиционные мировоззрение и представления удмуртского народа, связанные с мифологией, историей, обычаями и т. д.»²³.

Фестивали являются примером обращения этнофутуристов к представлениям о будущем с идеальным мироустройством в народном мировоззрении. Подтверждают эту концепцию программные тексты фестивалей.

В концепции фестиваля «Егит гондыр веме» («Дом молодого медведя», 1998 г.) – это послы к идеальным взаимоотношениям, ностальгия о гармоничном прошлом и земном рае: «“Егит гондыр веме” – это помочи по созданию дома для молодого медведя, для молодого финно-угра, дома, где господствует взаимопонимание, взаимоуважение, любовь – извечное стремление к идеальному устройству в религиозно-мифологических представлениях удмуртов и других финно-угров, желание вернуться назад, прийти к своим идеальным истокам, ностальгия по утраченному земному раю и мечты о благополучном будущем»²⁴.

Фестиваль «Калмез» («Рыба-человек», 1999 г.), посвященный рыболовству, реке и рыбе в культуре и мифологии удмуртов, также отсылает к идее идеального устройства мира и гармоничного взаимодействия человека и природы: «“Калмез” – это одно из двух больших делений удмуртов на две группы, восходящее к тотемным названиям. Калмез, Каламиес, Калмеес, Калембер, Калапаев – это богатейшая информация о традиционных представлениях как удмуртов, так и других финно-угров об идеальном устройстве мира: человек – общество – природа...»²⁵.

²² Лобанов Ю. Н., Пушин А. В. Удому – внутренняя удмуртия. ньыльдон кык – сорок два. URL: https://vk.com/wall-212373059_18 (дата обращения: 20.05.2024).

²³ Миннихметова Т. Г. Представляя образ идеального Будущего: этнофутуристические фестивали в Удмуртии // Инвожо. 2004. № 10. С. 93.

²⁴ Егит гондыр веме. Одомаа. Эрумаа. Калмез. Мушому. Тангыра. Идна. Ижевск : МарШак, 2002. С. 15.

²⁵ Там же. С. 40.

Фестиваль «Мушому» («Земля пчел», 2000 г.) посвящен образу пчелы в культуре и жизни финно-угорских народов. В качестве главного примера идеального общественного устройства выступали пчелиные семьи: «Пчелы традиционно ассоциируются с трудолюбием, дружной жизнью, большим числом. Это напоминает образ идеально организованного общественного устройства – семьи. <...> Пчела – один из главных конструируемых элементов идеального жизнеустройства финно-угров...»

Фестиваль «Тангыра» («Удмуртский там-там», 2001 г.) – о традиционных инструментах. Он несет в концепции идею создания идеального будущего под звуки традиционных инструментов: «Создадим образ идеально организованного мирового устройства под звуки вновь воссозданного удмуртского дымбыра, пу дымбыра, тангыры...»²⁶.

Таким образом, мы видим, как концепции фестивалей и деятельность этнофутуристов отражают идею «футуризма» и будущего своего народа, стремление к иному восприятию времени, утраченному идеальному мироустройству, образ которого был в традиционной культуре. Стоит отметить, что трактовка времени не перекликается с современным его пониманием, где его необходимо заново открывать, стремясь разрушить «старый мир», порой даже искусственно создавая «новую реальность». Удмуртские и финно-угорские этнофутуристы на основе представлений о традиционной модели мира хотят в своем творчестве переосмыслить современное понимание будущего, времени и пространства с учетом когда-то существующей идеальной модели.

Эти подходы этнофутуристов анализируются искусствоведами. В. О. Гартиг пишет: «По представлениям человека традиционной культуры мир организован гармонично: все движется, живет и умирает по стройно выработанным законам природы. Каждое сказанное слово имеет известное влияние на окружающую среду. Человек может расстроить это гармоничное течение жизни особо сказанным словом, магическим действием, острым взглядом, а может и восстановить утраченное равновесие. Именно на гармонизацию окружающего мира и направлено творчество этнофутуристов, уловивших негативные нотки современности»²⁷. Об обращении к цикличному времени в работах этнофутуристов упоминает музыковед М. Г. Ходырева: «... В моноспектаклях и перформансах Ю. Лобанова прослеживаются архаичные принципы драматургии обрядового цикла. Это *ostinato* – принцип повтора»²⁸.

О цели этнофутуристов создать идеальное мироустройство (хотя бы для своей культуры) как главной идее этнофутуристического движения говорится и в тексте манифеста удмуртских этнофутуристов «Манифест трех» 2003 г.: «Дерево этнофутуризма обязательно наполнит весь мир своим благоуханием; оно расцветет множеством неповторимых соцветий – полифонией Веры, Надежды, Любви»²⁹. Сторонники манифеста считали движение явлением, способным положительно повлиять на весь мир, наполнив его энергией добра и гармонии. Также в приведенной цитате прослеживается связь с архетипическим образом дерева – важным и близким символом для финно-угорской культуры. Согласно этому программному документу, этнофутуризм призван вести борьбу со злом, холодом и «лечить души».

В процессе интервью удмуртским этнофутуристам задавался вопрос, каким они, художники, видят идеальное будущее. Художник Ю. Н. Лобанов, ссылаясь на образ дерева, отметил: «Идеальное будущее мы видим в “Умпу Вапум” и в “Шудо Вапум”. Это в переводе на русский язык “Древо Сновидений в Золотом Веке Кылдысина”. В новой фантазмагорической трактовке этого Золотого века. Через стиль “пуан” и “этносталкинг” движемся по пути создания и постижения нашего психоделического эпоса “Умпу Вапум” как художественного проекта, построенного через сновидения» [ПМА, 2024].

²⁶ Там же. С. 60.

²⁷ Гартиг В. О. Творчество Кучыран Юри / Кучыран Юри (изоиздание). Ижевск : Удмуртия, 2010. С. 15.

²⁸ Ходырева М. Г. Перформанс – это художественный акт / Кучыран Юри (изоиздание). Ижевск : Удмуртия, 2010. С. 77.

²⁹ Лобанов Ю. Н., Ходырева М. Г., Прокопьев А. Н. Манифест трех // Инвожо. 2003. № 6–7. С. 32.

«Умпу вапум» («Время дерева сновидений») назывался и прошедший в 2023 г. в деревне Варавай 6-й этнофутуристический симпозиум, и снятая во время него первая часть полнометражного фильма. Вторая часть – «Шудо вапум» («счастливое время») – была снята во время симпозиума в августе 2024 г. По словам Ю. Н. Лобанова, этот фильм можно считать визуализацией представления этнофутуристов об идеальном будущем. В основе сюжета лежит путешествие трех странников, ищущих себя. В ходе странствия они выходят на территорию удмуртского мольбища *Булда*, где совершают определенные действия и молитвы, записанные Ю. Н. Лобановым со слов своего отца. Оба понятия «умпу вапум» и «шудо вапум» не имеют аналогов в удмуртском языке и придуманы самим художником. Понятие «шудо вапум» олицетворяет собственно «золотой век», но в придуманном художником термине намеренно не используется дословный перевод слова *зарни* (золотой), поскольку применяется иносказание как распространенный в удмуртской традиции прием. Примечательно, что словом «умпу» (дерево сновидений) назван и финно-угорский «шаманский оркестр», состоящий из участников этнофутуристических симпозиумов. В концепции симпозиума «Умпу вапум» отражен образ идеального мира и мирового дерева как части культуры и мифологии финно-угорских народов: «Все деревья планеты соединены между собой невидимой информационной паутиной. Они постоянно общаются. И в этом общении нет негативных вибраций. Мы – дети Леса, Рек и Родников. И деревья в наших лесах – это наши братья и сестры.

Творческие люди из Ижевска, Кезского района Удмуртии, Курска, Владивостока, Екатеринбурга, Москвы и Санкт-Петербурга творили в удмуртской деревне Варавай Якшур-Бодьинского района, получали удмуртские имена посвящения и передавали сокровенные мысли и сакральные песнопения деревьям. А они разносили их по всей планете!»³⁰

Таким образом, творческие приемы художников-этнофутуристов связаны с поиском идеального мира через «трансперсональное» путешествие и акции утопического «золотого века», который связывается с архетипическим образом дерева, а ключевую роль в этом поиске занимают сновидения. На важную роль сна как образа и приема этнофутуристов (или точнее – «первосна») указывал еще в 2004 г. поэт-этнофутурист, литературовед В. Л. Шибанов в статье «Этнофутуризм как могильщик постмодернизма». Говоря о том, что этнофутуризм способен стать своеобразным выходом из постмодернистского тупика, В. Л. Шибанов отталкивался от психоаналитической теории культуры философа И. Смирнова и связывал понятие «первосон» (туманная психика еще не родившегося ребенка, но уже воспринимающего мир в сознании) с архаико-мифологическим сознанием: «...если развитие мирового искусства на самом деле напоминает развитие психики младенца, то следующей фазой развития литературы и искусства должен стать так называемый “первосон”, так или иначе соотносимый с этнофутуризмом»³¹.

Однако описание и стремление к идеальному мироустройству не является единственным возможным вариантом в удмуртской культуре. Встречается описание негативного эсхатологического сценария будущего, пример – финальная 10-я песнь «Будущие времена» удмуртского эпоса. Финал эпоса описывает измельчение и вырождение человечества в будущем, где на смену мифическим великанам *зэрпалам* придут люди, названные в эпосе «пыжиками»:

«Впереди еще мрачнее,
будет новая порода
с муравьев те люди ростом.
“Пыжики” их имя будет.
Приподнять с земли былинку
семеро с трудом возьмутся,

³⁰ Лобанов Ю. Н. Умпу вапум. URL: https://vk.com/wall479355603_2359 (дата обращения: 20.05.2024).

³¹ Шибанов В. Л. Этнофутуризм как могильщик постмодернизма // Инвожо. 2004. № 10. С. 23. EDN: **ZRXKHR**

пыжась еле через силу.
Их конями мыши будут.
Морды пыжиков свиные,
с длинной пастью безобразной.
Так погибнет постепенно человечья вся порода»³².

Впервые текст этой песни был опубликован в 1994 г. в книге «Под тенью зэрпала», соавтором которой был поэт-этнофутурист В. Л. Шибанов³³. Для произведений и героев писателей-этнофутуристов характерна тема неопределенности будущего, неприятия городского уклада, стремление уйти от реальности жизни и др. Этот взгляд на будущее отличает этнофутуристов-писателей от этнофутуристов-художников, хотя и те и другие опираются в творчестве на народную мифологию и постмодернизм. О подходе писателей к идее будущего литературовед А. А. Арзамазов пишет так: «Современную литературу можно рассматривать как систему этнического понимания перехода из прошлого в будущее посредством настоящего. Автор трансформирует и модернизирует миф (М. Федотов “Вось”, В. Ар-Серги “Таяз ярдурын”, П. Захаров “Вож выж”). Мифический взгляд в будущее из прошлого – то, что объединяет этих поэтов и их книги»³⁴. Снова обратимся к анализу работ В. Е. Владыкина, который также является и известным поэтом, всегда близко стоящим к движению этнофутуризма, оказавшему на него влияние:

«Будущее – таинственно-загадочное, одновременно далекое и близкое, но всегда дорогое. Удмуртское будущее – это мечта, окрыленная надеждой, доброе, греющее три зимы слово. Не идиллия, не сказка, но душевное спокойствие, вдохновенно талантливое умение жить. Однако иногда в сердце закрадывается чувство глубокой тревоги:

Мой народ все еще очень беден,
Но у него уже есть богатое прошлое.
А будущее?»³⁵

Как мы видим, вопрос об «удмуртском будущем» остается открытым, актуальным и для творческих поисков этнофутуристов.

Заключение

В традиционной культуре удмуртов существовали разные представления о будущем и способы его прогнозирования посредством магических действий, обрядов, молитв-куриськон, утопических картин идеального мира в фольклорных произведениях и мифологии. Это отражало традиционное восприятие картины мира с моделью будущего и цикличным временем. Этнофутуристы в своем творчестве используют в основном эти отчасти утраченные народные представления, пытаются воссоздать их в работах, стремятся с помощью движения к созданию (воссозданию) идеального мироустройства в будущем, опираясь на его образ в фольклоре или представляя таким идеальным будущим возврат к традиционному удмуртскому обществу и культуре в противовес современности.

Художники-этнофутуристы позиционируют себя в роли *туно* – удмуртского шамана, способного предвидеть будущее. Концепции этнофутуристических фестивалей и выставок связываются с образом идеального мироустройства согласно удмуртской народной традиции: это гармония человека и природы, общественное и семейное устройство, утопия о «Золотом веке» *Кылдысина*. В перформансах также используются традиционные молитвы-куриськон. Отметим, что в своих манифестах этнофутуристы определяют идеальное будущее через образ дерева сновидений, возвращение к «Золотому веку» верховного бога и творца, к народным утопическим представлениям.

Однако кроме позитивного сценария и картины будущего существует и его негативный образ, который отражен в последней главе удмуртского эпоса, повествующей о конце

³² Век Кылдысина = Кылдысинлэн даурез. Ижевск : Удмуртия, 2008. С. 103. EDN: SHJRFN

³³ Васильев С. Ф., Шибанов В. Л. Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1997. Т. 1. 304 с. EDN: ZROJYZ

³⁴ Арзамазов А. А. Эскизы. С. 44–45.

³⁵ Там же. С. 31.

света и вырождении человечества. В негативном ключе предстает иногда будущее в произведениях удмуртских писателей и поэтов-этнофутуристов, так выражается их рефлексия о судьбе народа и его культуры.

В ходе проведенного исследования удалось выявить различные примеры традиционных представлений удмуртов о будущем и проследить воплощение некоторых из них в деятельности современных удмуртских художников-этнофутуристов. Эта тема, по нашему мнению, открывает широкие перспективы для дальнейшего исследования смыслов и основ, причин возникновения, развития и актуальности этнофутуристического движения не только у удмуртов, но и у других финно-угорских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прохоренко И. М. Этнофутуризм и футуризм: к вопросу отсутствия преемственности между явлениями // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 63–1. С. 264–268. EDN: **LTHAKR**
2. Алексеева Т. П. Фольклоризм в неопримитивизме русского авангарда первых десятилетий XX века // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 5–25. <https://doi.org/10.17223/22220836/24/1>
3. Савельева Т. В. Народная футурология: будущее в прошлом // Горизонты цивилизации. 2014. № 5. С. 242–254. URL: <https://clck.ru/3F3PNh> (дата обращения: 07.07.2024).
4. Гузенкова Т. С. Будущее как предмет антропологии // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2018. № 11. С. 17–34. URL: <https://clck.ru/3F3Q2J> (дата обращения: 07.07.2024).
5. Шведова И. В. Понимание времени в традиционной народной культуре и актуальных этнокультурных практиках (Опыт герменевтической реконструкции) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2018. Т. 4, № 4. С. 67–75. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-6>
6. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Этнокультурный контекст представлений удмуртов о времени // Традиционная культура. 2013. Т. 14, № 1. С. 110–117. URL: <https://clck.ru/3F3Rp6> (дата обращения: 07.07.2024).
7. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А., Панина Т. И. Удмуртский народный календарь и сельский социум // Научный диалог. 2017. № 10. С. 149–169. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-10-149-169>
8. Миннихметова Т. Г. О некоторых особенностях ориентации во времени и пространстве // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, № 3. С. 56–61. URL: <https://clck.ru/3F3Vet> (дата обращения: 22.06.2024).
9. Вельм И. М. Миф и мифологическое мышление в структуре этнического менталитета (на примере удмуртского этноса) // Мир психологии. 2003. № 3 (35). С. 119–131.
10. Арзамазов А. А. Художественные контексты будущего времени в поэзии Петра Захарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 5. С. 42–46. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.9>
11. Шибанов В. Л. Этнофутуризм: между архаическим мифом и европейским постмодернизмом // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2007. № 1. С. 163–168. EDN: **IAPZYH**
12. Шутова Н. И. Удмуртские знающие/гадатели туно в конце XVIII–XX веках: способности, функции, социальный статус // Традиционная культура. 2017. Т. 18, № 2. С. 67–78. URL: <https://clck.ru/3F3XXb> (дата обращения: 22.06.2024).

REFERENCES

1. Prokhorenko I.M. Ethnofuturism and Futurism: Absence of Continuity between the Phenomena. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008;(63–1):264–268. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **LTHAKR**
2. Alekseeva T.P. Folklorism and Neoprimativism of Russian Avant-Garde in the First Decades of the XX Century. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2016;(4):5–25. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/22220836/24/1>
3. Savelieva T.V. National Futurology: The Future in the Past. *Gorizonty Tsivilizatsii*. 2014;(5):242–254. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3F3PNh> (accessed 07.07.2024).
4. Guzenkova T.S. The Future as a Subject of Anthropology. *History Studies. Journal of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University*. 2018;(11):17–34. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3F3Q2J> (accessed 07.07.2024).

5. Shvedova I.V. Understanding of Time in Traditional Ethnic Culture and Modern Ethnocultural Practices (The Experience of Hermeneutic Reconstruction). *Research Result. Social Studies and Humanities*. 2018;4(4):67–75. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-6>
6. Vladykina T.G., Gluchova G.A. Ethnocultural Context of Udmurts Concept of Time (Calendar). *Traditional Culture*. 2013;14(1):110–117. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3F3Rp6> (accessed 07.07.2024).
7. Vladykina T.G., Glukhova G.A., Panina T.I. Udmurt Folk Calendar and Rural Society. *Nauchnyj dialog*. 2017;(10):149–169. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-10-149-169>
8. Minniyakhmetova T.G. On Some Particular Features of Orientation in Time and Space. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2016;10(3):56–61. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3F3Vet> (accessed 22.06.2024).
9. Velm I.M. [Myth and Mythological Thinking in the Structure of Ethnic Mentality (On the Example of the Udmurt Ethnos)]. *Mir psihologii*. 2003;(3):119–131. (In Russ.)
10. Arzamazov A.A. Artistic Contexts of the Future Tense in Pyotr Zakharov's Poetry. *Philology. Theory & Practice*. 2019;12(5):42–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.9>
11. Shibyanov V.L. Ethnofuturism: Between Archaic Myth and European Postmodernism. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2007;(1):163–168. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: IAPZYH
12. Shutova N.I. Udmurt Magicians/Fortune-Tellers Tuno in the Late 18th – the 20th Centuries: Abilities, Functions, Social Status. *Traditional Culture*. 2017;18(2):67–78. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3F3XXb> (accessed 22.06.2024).

Информация об авторе:

Анфиногенов Богдан Витальевич, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института национального образования (426051, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. М. Горького, д. 73), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0861-3504>, SPIN-код: 2500-6460, bogdananf@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 26.08.2024; одобрена после рецензирования 13.09.2024; принята к публикации 21.10.2024.

Information about the author:

Bogdan V. Anfinogenov, Junior Researcher, Research Institute of National Education (73 M. Gorky St., Izhevsk 426051, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0861-3504>, SPIN-code: 2500-6460, bogdananf@mail.ru

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 26.08.2024; revised 13.09.2024; accepted 21.10.2024.